

≈ СОДЕРЖАНИЕ ≈

Глава 1. Казя теперь труп.....	3
Глава 2. Давайте устроим вечеринку	12
Глава 3. Каких не берут в ходильники	24
Глава 4. Маньяк Маня и Потусторонька	34
Глава 5. День открытых дверей.....	46
Глава 6. Универ: первые впечатления.....	57
Глава 7. Пушино и Подпушино.....	66
Глава 8. Нежизнь как квест.....	77
Глава 9. Тете Тане надо в больницу	85
Глава 10. Кафе «Казя и Кузя».....	95
Глава 11. Лекс с метафизического факультета	106
Глава 12. История-детектив.....	114
Глава 13. В дорогу! Вторая ходильная попытка Кази.....	124
Глава 14. Метафизические улики.....	135
Глава 15. Посиделки в столовке	145
Глава 16. Топ-топ, хочу... в Калейдоскоп!	154
Глава 17. Пары, бары, санитары	163
Глава 18. Вечным сном, силы небесные	172

Глава 19. Улики и факты.....	182
Глава 20. Некуда идти, нельзя возвращаться ...	192
Глава 21. Время любви.....	199
Глава 22. Caeleste officium	208
Глава 23. Игнат виноват	218
Глава 24. Дело поворачивается новой стороной.....	227
Глава 25. Декабрьские посиделки	238
Глоссарий	246
Герои и артефакты.....	248

≈ ГЛАВА 1 ≈

Казя теперь труп

В тринадцать тридцать или около того Казя обнаружила себя на кладбище в полном одиночестве. Около собственной свежей могилы.

Зашибись.

Она помнила себя в гробу, отпевание, вопли-сопли близких и все вот это, кажется, помнила и морг — но не точно. Может, это был ни разу не морг, а, например, операционная... Трудно сказать. Там она вроде бы лежала. На отпевании уже точно стояла. Сбоку от толпы. Ну да. Как ехали на кладбище — стерлось. Как хоронили — в общих чертах, а ведь это вот только-только происходило.

Чума. Как это вообще?!

Чума и ступор.

— Чего стоим, кого ждем?

Казя обернулась. В трех-четырех шагах за ее спиной покачивался непрезентабельного вида мужичок. Новенькая нейлоновая куртка-бомбер с ярким принтом, грязнущая борода до пояса, брюки клеш, ободранные по низу — привет из прошлого века, — нечто невнятное и стоптанное на ногах. И — та-дам! — выцветшая медицинская маска на ухе тряпочкой болтается. Бомж? Бомж, кто ж еще... Надо уходить.

Мужичок подошел. Сине-желтые рыбы на принте бомбера, запутавшиеся в буро-зеленых водорослях, подмигивали Казе при каждом его шаге, то прячась в складки нейлона, то выныривая из них. «Он кого-то

убил, а куртку украл!» — догадалась Казя. Молодого кого-то убил, такое только тинейджеры носят...

— Кассимира Павловна Володарь, пятнадцатое декабря две тыщи третьего, пятое сентября две тыщи двадцать первого. Так тебе еще и восемнадцати нет?

— Й... йе... есть! — Казе с трудом удалось расклеить губы и произнести первое слово, дальше пошло полегче. — Мне девятнадцать с половиной. Тут год напутан, я в две тысячи первом родилась.

— О как. На два года промахнулись.

— Угу.

— Бывает...

Мужичок деловито приблизился к могиле, протянул руку к утопленному в ворох цветов пластиковому стаканчику, накрытому ломтем черного хлеба.

— Ну, с прибытием вас на Потустороньку, Кассимира Павловна!

Он лихо опрокинул в себя содержимое стакана, закусил, одобрительно отметил:

— Бородинский. Свеженький. Хорошо!

Хлеб доел, а пустой стакан аккуратно вернул на место. Казя заметила, что ног мужика теперь не видно, он по колено погрузился в прикрытый цветами холмик. Причем правая нога буквально проходила сквозь один из венков, надпись «Вечная память» теперь обрывалась на буквах «мя», но эти «мя» были не замяты, а словно растворялись.

— Я... — сказала Казя. — Умерла.

Это был не вопрос, а необходимость проговорить вслух нечто нереальное.

— Туда посмотри!

Казя механически задрала голову в направлении, указанном местным алкашом. Высокие деревья за оградой кладбища едва шевелили зелеными кронами. Ничего интересного, ничего экстраординарного.

— А как вас покорооче кликать, Кассимира Палана? — спросил мужик.

— Можно просто Казя. А вас как?

— Фёдор Иванович я. Можно просто Фёдр. Я здешний здорож.

— Сторож?

— Ага, здорож. Вот и табличка-оберёг, без обману, как есть.

Фёдор Иванович расстегнул молнию бомбера (центральная рыба, вертикально стоящая на хвосте, при этом хищно распахнула свою пасть) и извлек бейджик на красной, в черный горох, ленточке. На бейджике была фотография и надпись, сделанная от руки печатными буквами: «Фёдр. Здорож Пущинского округа Потустороньки». Казя невольно улыбнулась:

— Вы его сами сделали?

— Сам. Но кьюар-код настоящий, это главное. Согласна?

Казя готова была с этим согласиться. Ей, вообще-то, было все равно. Когда ты умираешь, ты как бы тупеешь. Не то чтобы буквально тупеешь и становишься дебилом — скорее, тебе становится все равно. Сприть, возражать, доказывать — зачем?

— Ну тогда давай, Казя, за знакомство! Ничего, что я на «ты»?

— Ничего.

Мужичок вновь протянул руку к пластиковому стакану. На нем опять лежала краюха. Казя готова была поклясться: тот же самый ломоть, который минуту назад был благополучно съеден.

Фёдр выпил, слопал хлебушек:

— Хорошо! Многие, как закопают покойничка, так ни конфетки ему не оставят, ни водочки. Никакого понимания у людей нет! А твои молодцы. Кто тебя хоронил-то, мама-папа? Бедные...

Он вернул стакан на место. Вылез из земли. Брюки его нисколько не испачкались, хотя почва была глинистая. Ни один цветок не сдвинулся со своего места, ни одна розочка не упала. Надпись «Вечная память» теперь была видна полностью.

— Мама у меня давно умерла, — ответила Казя. — Я как раз первый класс успела окончить и... А папа есть, но я его только на фото видела и на видео с их свадьбы. Они сразу разбежались, я еще и родиться не успела. Не знаю, где он.

Объяснила и замолчала.

— Странно, — нахмурился Фёдр.

— Почему странно? Поженились по залету. Мама его обманула, вообще-то. Ей было тридцать пять, она хотела ребенка. Ну и... И вот. У меня к отцу претензий нет, он даже на свадьбу согласился, чтобы родственники ничего не подумали и всякое такое. Хотя какая разница, кто что подумает? Не в каменном веке живем, да?

— Мы уже не живем, — поправил ее Фёдр. — Мы уже померли. Странно не то, что твои родители разбежались. Другое странно. Ну да ладно. Посмотри-ка теперь туда, красавица.

Казю при всем желании нельзя было назвать красавицей. Конечно, молодость, стройность, харизму и макияж никто не отменял и статуса «хорошенькая» она вполне заслуживала. Но не более. Средний рост, карие глаза, каштановые волосы с прядками цвета морской волны, остренький носик. Ничего особенного.

Казя посмотрела в направлении, указанном «здешним дорожем». Тропинка, засыпанная мелким строительным камнем, ряд могил без оград, кусты, скамейка.

— А что там?

— Ничо, просто глаза отвести надо, чтобы все вернулось, как было, — объяснил дорож. — Мне выпить хочется, пока водочка в силе. А то потом или дождь ее

попортит, или выдохнется, или грызловские хмыри набегут, вылакают.

Деревенька Грызлово находилась в нескольких километрах от кладбища, какой смысл было кому-либо топтать в такую даль в надежде найти стопарик? «Скорее уж из Липиц могут сюда прийти или кто с дачных участков, которые ближе к Оке...» — подумала Казя и глянула на могилку. Ломоть на стакане был целехонек, стакан полон.

— Как маму звали?

— Екатерина.

— Православная?

— Ну... Не особо. Крещеная.

— Светлая память рабе божьей Екатерине! — торжественно произнес Фёдр и уничтожил восстановившееся угощение.

— Рабе божьей... — эхом отозвалась Казя. — А Бог, значит, есть?

— А ыя зныаю? — жуя хлебушек, пожал плечами Фёдр. — Никто не знает.

Казя растерялась.

— Я думала, после смерти все выяснится... — прояммила она.

— Да щаз. С чего бы?

— Ну как... Рай, ад... Грехи. Карма... Стоп. А я точно умерла? — Кассимира вдруг засомневалась.

— Сама как думаешь?

— Ну... Я думаю, это пранк такой. Шоу, например. Вы актер, а везде скрытые камеры.

— А хлеб как появляется?

— Вы его кладете, пока я отворачиваюсь.

— Надо говорить не «отворачиваюсь», а «глаза отвожу», — поправил здорож. — Отвернуться мало. Если отвернуться, но в зеркало подглядывать, ничего не вернется.

Казя рассмеялась. Ее вдруг отпустило: это просто шоу! Грушное такое шоу. Она кокетливо помахала руками в сторону деревьев (одна из камер наверняка там), затем в сторону кустов (вторая камера там, точно, лучшего места не найти). Поправила прическу, перестала сутулиться.

— Ох, дурнэ-дурнэ, молодо-зелено, — покачал головой Фёдр. — Ладно, смотри.

— Куда?

— На меня!

Он решительно схватился за прикопанный веночек, вырвал его из земли и отбросил в сторону. Затем принялся раскидывать розы.

— Эй, вы что творите?

— Что надо.

Табличка с именем-фамилией Казя и датами рождения и смерти поддалась с трудом. Но и ее Федору Иванычу удалось извлечь из глины.

— Для верности даже вот так сделаем...

Здоровая нога наступила на длинный металлический прут — довольно толстый — и изогнула его, помогая всем весом своего тела.

— Вы что???

«Хоть это и шоу, но кощунство же — могилу портить!» — подумала Казя.

— Запомнила картину маслом? — Фёдр подошел к Кассимире и приобнял ее за плечи. — Теперь отводим глаза, секунды-другой будет достаточно...

Он легко развернул девушку и сам повернулся, отвел глаза.

— Смотри!

Казя нахмурилась, кинула взгляд на могилу и ахнула. Все было в полном порядке, включая злополучный кусок бородинского на пластиковом стакане. Не может такого быть, но вот же...

— Нет, — твердо сказала Казя. — Нет. Это голограмма. Это виртуальная реальность. Это сон. Шоу.

— Шоу?

— Шоу! Причем самое дурацкое и бесчеловечное! И я точно подам на вас всех в суд! Миллион за моральный ущерб! Минимум! А сейчас я... Ухожу! Домой. Вот!

И она решительно направилась прочь, в сторону центрального выхода.

— Ну-ну... — вздохнул ей вслед сторож. — Иди, иди, попробуй. Не ты первая...

Он махнул рукой и протянул руку к стакану. Пока не пошел дождь, можно пользоваться. Жаль только, не напиться по-настоящему — чтобы свалиться трупом, как когда-то при жизни.

Казя беспрепятственно добралась до ворот. Вот и забетонированная площадка со столбиками, на которые ставят гроб, прежде чем понести его дальше. Если могила далеко, гроб тут не вытаскивают, а везут на машине до нужной точки. Городу Пущино примерно лет пятьдесят, хотя кладбище старше, тут и раньше хоронили. Но все равно оно небольшое, с московскими не сравнить.

Сейчас на площадке перед входом стояло всего три машины. Возле одной курил молодой человек лет тридцати. Больше людей не было. Слева, ближе к дороге, располагалось небольшое здание — то ли контора, то ли помещение для рабочих. Дверь закрыта, света в окнах не видно. «Но сейчас день, и тем, кто внутри, естественного освещения достаточно...» — подумала Казя. У нее было три варианта. Первый: подойти к молодому человеку, попросить отвезти ее домой. Второй: зайти в контору и далее действовать по ситуации. Третий: дойти пешком до трассы и там поймать попутку или дожждаться автобуса «Серпухов — Пущино». Внезапно Казю осенило:

— Вызову такси!

Капитан Очевидность.

Ха. Такси. А смартфон любимый где? Который в розовом чехольчике и с брелоком-поросенком? Карманы Казя были абсолютно пусты. Если не считать леденца, апельсинового, в прозрачной обертке. Ни платка, ни банковской карточки, ни проездного, ни даже маски — уж маску-то она постоянно носила в правом кармане куртки, одну, а то и две, с самого начала всей этой коронавирусной канители.

Прикидывая, сколько времени придется потратить, топя до города пешкодралом, Казя решительно направилась к выходу и...

БУМ!

С размаху, лбом, о невидимую стену.

— Мать твою на байдарку!!!

Казя не сразу поняла, что ей не больно. Вообще, совсем. А ведь приложилась так, что и сотрясение мозга можно было получить. Она вытянула руки и потрогала воздух. Да, ровно на уровне выхода прощупывалась гладкая, невидимая стена, от самой земли до... Ну, метра на два вверх как минимум.

Скользя ладонью по стене, Казя прошла вправо... Влево...

— Один карантин... — пробормотала Казя. — Везде засада. Ну надо же.

Парень со стоянки докурил и теперь направлялся в ее сторону, точнее, к коробу для мусора.

— Эй, молодой человек! — закричала Казя. — Эй!

Между ними сейчас было метров пять, не больше. Он по ту сторону стены, она — по эту.

— Эй, вы меня слышите? — Она запрыгала и замахала руками.

Молодой человек равнодушно бросил окурок в ящик и побрел обратно к машине. Казя выругалась. И стала припоминать кинофильмы на тему загробной